

УДК 82.95

В.Н. Козляков**ОТРАЖЕНИЯ: А.И. СОЛЖЕНИЦЫН
О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ А.К. ТОЛСТОГО**

Анализируется материал из «Литературной коллекции» А.И. Солженицына, посвященной драматической трилогии Алексея Константиновича Толстого, опубликованный в журнале «Новый мир» в 2004 году. Разбираются подходы А.И. Солженицына к исторической драматургии, оценки образов главных героев пьес А.К. Толстого: Ивана Грозного, Федора Иоанновича, Бориса Годунова. Показан интерес А.И. Солженицына к трактовкам пушкинского «Бориса Годунова» в сопоставлении с историческими драмами А.К. Толстого.

Пушкин А.С., Толстой А.К., Солженицын А.И., историческая драматургия, культурно-исторические образы, герои Смуты, русская история и литература.

Смутное время в истории России привлекало Александра Исаевича Солженицына как веха в жизни народа по ее очевидному сходству с пережитыми в XX веке временами. Начиная «Русский вопрос к концу XX века» (1994), он «оглядывается» и пишет: «В Смуту XVII века, после всех разорений Руси и разврата душ, – именно русский Север, с опорой на Поморье, сперва был надёжным тылом для отрядов Скопина-Шуйского, потом – ополчения Пожарского, принесшего Руси окончательное освобождение и замирение. И Платонов отмечает, что мучительный и душеразпадающий период Смуты принёс и благотворительный переворот в политические понятия русских людей: в обстановке безцарствия, когда Русь перестала быть “вотчиной” Государя, а люди – его “слугами” и “холопами”, – государство не должно пропасть и без Государя, надо спасать и строить его самим. Повсюду усилилась местная власть, выносились постановления местных “миров”, происходила “обсылка” послов и вестей из города в город, в городах создались всеобщие советы, они соединялись в “совет вся земля”. (Подобной же самостоятельностью было и 16-месячное стояние Троицкой лавры и 20-месячное Смоленска.) Всё это – примеры поучительной русской народной организованности для нас, потомков»¹.

То, что Солженицын – историк, очевидно, хотя сам он, может быть, не только не согласился бы с такой аттестацией, но и опровергнул бы принадлежность к какому-либо корпоративному научному цеху. Здесь речь не об этом. Солженицын в «Красном колесе» – историк в том смысле, в каком историком

---

¹ Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века // Новый мир. 1994. № 7. URL : http://solzhenitsyn.ru/modules/myarticles/article_storyid_299.html (Здесь и далее тексты А.И. Солженицына цитируются по материалам, размещенным на персональном сайте писателя.)

является Л.Н. Толстой в «Войне и мире». Очень часто историческое чутье, опыт постижения истории своей страны более присутствуют у писателей, чем у историков. По крайней мере, писатель умеет осмыслить и выразить то, на что редко отваживается историк, скованный источниковедческими рамками своих занятий или – что много хуже – партийной предвзятостью взглядов вместе с поисками «единого» подхода, а по сути – ограничением мысли.

Добросовестность диктует писателю необходимость обращения к историческим трудам, посвященным изучаемой эпохе. Но в этом случае изучается не вся историография, а происходит поиск своего «камертона», задающего точное восприятие событий. Учитывается мнение классиков исторической науки, но не поначетнически, через поиск нужных цитат, а вдумчиво, разыскивая то, что отвечает запросу писателя, обладающего собственным видением истории. Возьмем, к примеру, приведенную характеристику Смуты, данную А.И. Солженицыным со ссылкой на труд С.Ф. Платонова «Смутное время» (Прага, 1924). С.Ф. Платонов – признанный авторитет в изучении Смуты, однако главная его книга «Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI–XVII вв.», выдержавшая с 1899 года несколько изданий (одно из них датируется даже 1937 годом), видимо, не вполне отвечала интересам А.И. Солженицына. Он предпочел обратиться не к исторической монографии, а всего лишь к общему очерку, в котором отразился опыт пережитой С.Ф. Платоновым революции 1917 года. Отсюда новые акценты, появившиеся в работе С.Ф. Платонова, изданной в эмигрантской Праге, увиденные и переданные А.И. Солженицыным: «переворот политических понятий», «народная организованность», роль Русского Севера – Поморья.

В постижении истории еще более важны для писателя опыты ее художественного осмысления. И здесь, после «Бориса Годунова» А.С. Пушкина и опер М.И. Глинки «Жизнь за царя» и М.П. Мусоргского на сюжет пушкинского «Годунова», – у Смуты конкурентов нет. Никакому другому периоду в русской истории не повезло в такой степени с гениальными воплощениями в искусстве. С одной стороны, всегда будет казаться, что этого вполне достаточно. Неслучайно вечный сюжет о власти и ответственности за деяния правителя, выраженный в «Борисе Годунове», сегодня «осовременивается» в кино и опере путем простой замены боярских шуб и шапок на модный костюм, а герои Смуты переживают то на БТРы, то в президиумы условных государственных дум и съездов депутатов. «Безмолствующий» народ, слыша пушкинский текст, узнает себя в телевизоре или отождествляет себя с хором на оперной сцене. Все бы ничего, если бы такое переодевание героев и «подверстывание» актуальных тем не вторгалось в замыслы гениев, не подминало под себя канонического текста ради минутной славы режиссеров.

Гораздо интереснее другая, идущая от самого А.С. Пушкина традиция – вживание в прошлое. Ей вполне соответствуют те труды, которые обратили на себя внимание А.И. Солженицына, собравшего «Литературную коллекцию», куда в том числе вошли и размышления об известной драматической трилогии Алексея Константиновича Толстого 1860-х годов «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Борис Годунов». Размышления А.И. Солженицына

о произведениях А.К. Толстого были опубликованы в журнале «Новый мир» в 2004 году в разделе «Дневник писателя».

Характеризуя путь Алексея Толстого к своей драматической трилогии, А.И. Солженицын сначала разбирает, пожалуй, самый известный исторический роман писателя «Князь Серебряный» об эпохе опричнины и Ивана Грозного. При этом замечает: «Очень долго писался. Зато Алексей Толстой *вжился в эпоху* и удачно подготовился к трилогии» (курсив мой. – В.К.)². А.И. Солженицын краткими и точными замечаниями о сюжете романа, прорисовке характера эпохи и героев, языке литературных персонажей убедительно показывает поиск Толстым «верной манеры исторического повествования».

Переходя к характеристике драматических произведений Толстого, которые, как не без основания пишет А.И. Солженицын, оказались «недостаточно оцененными», писатель обозначает их главное содержание: **«Проблема цели и средств – единый стержень трилогии»**. Конечно, эта же проблема – основная и для человека XX века, несмотря на существенную историческую дистанцию: сначала между эпохой и автором пьес, а потом уже между А.К. Толстым и нами. Справедливо отмечается А.И. Солженицыным значение сопроводительных статей драматурга – «проектов постановки» трагедий. Действительно, в них проявляется «глубокое понимание характеров, событий и элементов своих пьес, не всякий драматург может дать такие разъяснения театрам».

А.И. Солженицыну, в наследии которого тоже остались драматургические произведения, важно видеть, как развивается действие, насколько интересно пьесу не только смотреть, но и читать, есть ли в ней идейная основа. С этой точки зрения трилогия А.К. Толстого безукоризненна. «Лаконичная динамичность, – начинает Солженицын. – Как сумел столь многое вместить на таком малом пространстве?» Заслужил похвалу писателя и язык трилогии Толстого: «Очень доподлинная речь – и вообще русский дух. Хороший, естественный чистый стих, пятистопный ямб (помоему, не уступает пушкинскому)». Но больше всего А.И. Солженицын интересуется характеры исторических героев. Он видит, что у А.К. Толстого один и тот же герой, например Борис Годунов, по-разному выглядел в каждой пьесе, причем верно отмечено, что заключительная часть трилогии, посвященная именно Годунову, оказалась все-таки слабее остальных.

А.И. Солженицын воспринимает персонажей пьес А.К. Толстого не как статичных героев, а как живых людей, раскрывая суть «психологизма» писателя в собственных кратких, «мгновенных», дневниковых по стилю, записях «Литературной коллекции». Если же писатель замечает художественную недостоверность тех или иных ситуаций в пьесах А.К. Толстого, то тоже прямо пишет об этом. Например, высоко оценив начало трилогии «Смерть Иоанна Грозного» (1862–1864), А.И. Солженицын замечает: «А с волхвами и пересмотр сокровищ Иоанном перед смертью (лобово и не очень веришь) – отдаёт Шекспиром, и это ощущается как снижение. Вообще же эта драма – не

---

² Солженицын А.И. Алексей Константинович Толстой – драматическая трилогия // Новый мир. 2004. № 9. (Серия. Из «Литературной коллекции»). URL : http://solzhenicyn.ru/modules/myarticles/article_storyid_1264.html

ниже никакой шекспировской исторической хроники, а сплочена – и лучше иных»³. Кого-то может и смутить столь высокая точка отсчета, только речь ведь о преодолении условного шекспировского историзма, о чем, кстати, думал и А.С. Пушкин в «Борисе Годунове». В его набросках к предисловию «Бориса Годунова» хотя и говорилось о «подражании» Шекспиру⁴, но исследователи сходятся в том, что зависимость эта внешняя, речь идет о развитии жанра народной исторической драмы⁵.

«Вершиной трилогии» А.И. Солженицын называет драму «Царь Фёдор Иоаннович (1864–1868)», которая отнесена им к числу «лучших пьес русской драматургии». Особенная удача – психологически точное проникновение в характер главных героев: «Пронзительно верна разработка царя Фёдора. Получился – из самых значительных образов русской литературы». Точно так же, считает Александр Исаевич, удался и образ царицы Ирины. Угадывая следом за А.К. Толстым психологические основания всей драмы, А.И. Солженицын замечает: «У такой сестры – и брат не может быть примитивным злодеем. Годунов (особенно если взять всю трилогию в целом) разработан так ярко и убедительно, что невозможно забыть и трудно сопротивляться этой трактовке». Остались претензии писателя к «поверхностному» изображению «толпы», которая даже говорит у А.К. Толстого прозой, а не стихотворными монологами.

В характеристике «Царя Бориса» (1868–1869) снова читаем о развитии характера Бориса Годунова: «Продолжается тщательная разработка образа Бориса (он участвует в девяти картинах из четырнадцати). Толстой удерживает его в большом диапазоне чувств: разумного мудрого государственного деятеля, полного интересами всей русской земли, с намерениями великодушными и благими...». И это несмотря на то, что драматург, как заметил А.И. Солженицын, все-таки присоединился к тем, кто считал Годунова виновником смерти царевича Дмитрия: «Алексей Толстой не только принимает

---

³ По мнению А.А. Севастьяновой, известие о пересмотре Иваном Грозным сокровищ перед смертью не придумано А.К. Толстым, а взято из записок о России XVI века англичанина Джерома Горсея, который описывает эту сцену. Возможно, что источник сведений А.К. Толстого – в статье Ю.В. Толстого, опубликованной в «Отечественных записках» в 1859 году. (Толстой Ю.В. Сказание англичанина Горсея о России в исходе XVI-го столетия // Отечественные записки. 1859. № 9. С. 99–156. Ср.: *Горсей Дж.* Записки о России. XVI – начало XVII в. / пер. и сост. А.А. Севастьянова. М., 1990.)

⁴ «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким иным влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов, следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени. Источники богатые! Умел ли ими воспользоваться – не знаю, – по крайней мере, труды мои были ревностны и добросовестны»: Пушкин А.С. «Наброски предисловия к "Борису Годунову"» // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 7 : Критика и публицистика. 1978. С. 112–116. URL : <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v07/d07-112.htm>

⁵ Алексеев М.П. Пушкин и Шекспир // Пушкин. Сравнительно-исторические исследования / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. С. 240–280. URL : <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/a72/a72-240.htm>

без оговорок, что царевича Дмитрия убил Борис – но прямо и вкладывает ему это в уста».

Совпадение (иногда прямое) сюжетов пушкинского «Бориса Годунова» и трилогии А.К. Толстого позволило А.И. Солженицыну в своей «Литературной коллекции» обратиться и к сопоставлению этих произведений. А.И. Солженицын предположил, что сходство двух «Годуновых», возможно, объясняется следованием одним источникам и Н.М. Карамзину, однако отметил при этом самостоятельность А.К. Толстого и намеренный уход от пушкинского образца: «И притом Толстой пишет трагедию через 35 лет после Пушкина, с несомненностью имея её в виду постоянно, и где расходится с ней, то с полной сознательностью (и дерзостью?). Удивительное ощущение: прочесть один и тот же сюжет у двух столь выдающихся авторов. Увеличивает стереоскопичность твоего восприятия».

А.И. Солженицын сверяет свои оценки с трактовками пушкинистов В.С. Непомящего, И. Сурат и С. Бочарова. Отдавая должное их свежим наблюдениям, сам Солженицын выбирает не обсуждение действия «незримых сил» и «тени Дмитрия», а обращается к традиционному *«сравнению исторической выверенности»* в трактовке образов главных героев, выявляя таким образом настоящее различие сюжетов у А.С. Пушкина и А.К. Толстого: «Конечно, объёмом трилогии Алексей Толстой избрал себе возможность последовательней, разносторонней, глубже и значительней разработать Годунова, чем Пушкин. А Пушкин, даже и в объёме одной своей трагедии, не захватывает побольше места для Бориса: из 24 пушкинских сцен Борис участвует всего только в шести, а Самозванец (видимо, по ходу работы, сильно увлекший Пушкина) – в десяти. У Алексея же Толстого – Самозванец вне пределов показа, он только слух и символ возникшего движения, не реальный персонаж. Толстой не занимается им и даже отвергает идентичность его с Гришкой Отрепьевым. (Это совпадение Пушкин, напротив, принимает безоговорочно.)».

Обращение А.И. Солженицына к малоизвестной по редкости эмигрантского издания работе О. Арановской, опубликованной в «Вестнике русского христианского движения» (1984. № 143), показывает, что у писателя был давний интерес к проблеме «вины Бориса Годунова в трагедии Пушкина»⁶. А.И. Солженицын очень точно определил грань, которую не перешел А.С. Пушкин: «Даже не сомневаясь, что царевича убил Борис, – Пушкин из одного чувства вкуса не мог бы вложить Борису такую тираду (прямое признание в убийстве Дмитрия. – В.К.), – справедливо замечает А.И. Солженицын. – Да, Пушкин не переступил прямо юридической черты, как она и не проведена в истории».

Сильная сторона образов А.К. Толстого выявляется по Солженицыну именно в развитии пушкинских сцен и подходов: «Пушкин только мельком упоминает

---

⁶ Арановская О. О вине Бориса Годунова в трагедии Пушкина // Вестник русского христианского движения. 1984. № 143 (IV). С. 128–156. URL : http://imwerden.de/pdf/aranovskaya_o_borise_godunove_pushkina_vestnik_143_1984.pdf В этом же журнале был опубликован отрывок из «Красного колеса» А.И. Солженицына.

о смерти жениха Ксеньи, самих молодых мы почти не видим, не ощущаем, они почти картонны. Как недостаток это ощущается не само по себе, а именно сравнением с Алексеем Толстым: без жены (её нет) и без взрослых детей в своей жизни, без сестры Борис Пушкина совсем одинок и оттого менее реален. Эту упущенную нить и подхватил Алексей Толстой как прямой – и во многом – последователь Пушкина».

Таким образом, мысли А.И. Солженицына стали еще одним «отражением», новым «зеркалом», усиливающим эффект от восприятия главных героев Смуты, существующих в бесконечном историческом и художественном контексте. И все зависит от того, насколько далеко можно пройти сквозь зеркала...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арановская, О. О вине Бориса Годунова в трагедии Пушкина [Электронный ресурс] // Вестник русского христианского движения. – 1984. – № 143 (IV). – С. 128–156. – Режим доступа : http://imwerden.de/pdf/aranovskaya_o_borise_godunove_pushkina_vestnik_143_1984.pdf
  2. Алексеев, М.П. Пушкин и Шекспир [Электронный ресурс] // Пушкин. Сравнительно-исторические исследования / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – С. 240–280. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/a72/a72-240.htm>
  3. Горсей, Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. [Текст] / пер. и сост. А.А. Севастьянова. – М., 1990.
  4. Пушкин, А.С. <Наброски предисловия к «Борису Годунову» > [Электронный ресурс] // Полн. собр. соч. : в 10 т. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. – Т. 7 : Критика и публицистика. – С. 112–116. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v07/d07-112.htm>
  5. Толстой, Ю.В. Сказания англичанина Горсея о России в исходе XVI-го столетия [Текст] // Отечественные записки. – 1859. – № 9. – С. 99–156.
  6. Солженицын, А.И. «Русский вопрос» к концу XX века [Электронный ресурс] // Новый мир. – 1994. – № 7. – Режим доступа : http://solzhenitsyn.ru/modules/myarticles/article_storyid_299.html
  7. Солженицын, А.И. Алексей Константинович Толстой – драматическая трилогия [Электронный ресурс] // Новый мир. – 2004. – № 9. (Серия «Литературная коллекция»). – Режим доступа : http://solzhenitsyn.ru/modules/myarticles/article_storyid_1264.html
- V.N. Kozlyakov**

THE REFLECTIONS: A.I. SOLZHENITSYN ABOUT A.K. TOLSTOY'S DRAMA TRILOGY

The paper centers on the material from A.I. Solzhenitsyn's «Literary Collection» devoted to Aleksey Konstantinovich Tolstoy's historical drama trilogy published in 2004 by the literary journal «Novy Mir». The paper analyzes A.I. Solzhenitsyn's attitude to historical drama and

his ideas about A.K. Tolstoy's characters, such as Ivan the Terrible, Feodor Ioannovich, Boris Godunov. The paper shows that A.I.Solzhenitsyn was interested in analyzing A.S. Pushkin's «Boris Godunov» and in comparing it with A.K. Tolstoy's works.

A.S. Pushkin, A.K. Tolstoy, A.I. Solzhenitsyn, historic drama, cultural and historic images, Time of Trouble heroes, Russian history and literature

